

Забавно, как он полагал, что мой неудачный побег сломит меня, заставит смириться с рабством. Но я был только сильнее, одержим идеей освободиться, уничтожить существо, которое держало меня в плену. И еще кое-что. Маленький мальчик, тоскующий по матери, умер в тот день, и я ощутил ярость во всей её силе, безрассудную ненависть. Я стал Дартом Вейдером до мозга костей. С этого дня моя миссия, нет, обязанность — превратить жизнь Сидиуса в ад. Причина проста: проведя месяцы рядом с Темным Лордом, я обнаружил его слабость. Это была единственная черта, выделяющаяся на фоне его мощи — высокомерие. Сидиус ненавидит то, что он — Темный Лорд ситхов, но не известен всей галактике. Его гложет мысль, что он мастерски организует галактический конфликт, но никто не знает, что он за всем этим стоит. Хотя он понимает, что это необходимо для плана ситхов, его мучит необходимость улыбаться джедаям и Сенату, скрывая кипящую ярость и ненависть. Для меня это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что дает возможность проверить остроту своих колкостей. Плохо, потому что его реакция на мои слова не раз ставила меня на грань смерти. Дома он не скрывает своих эмоций, как при общении с внешним миром, и его довольно легко разозлить. Я проклинаю его, а он издевается надо мной, следуя своему злему желанию. Иногда мне даже не нужно ничего говорить или делать. Он возвращается в пещеру, и меня внезапно бьёт током Силовое освещение, или я подвергаюсь ещё более ужасному насилию. Думаю, он считает, что если он терпит это от внешнего мира, то не должен терпеть от меня. — По крайней мере, без возмездия. Тем не менее, неуважение — его слабость, и я стараюсь использовать её как можно чаще. В первый раз я специально вывел его из себя, чтобы проверить. Это был болезненный, но познавательный день, и он сказал мне все, что я хотел знать. Дарта Сидиуса можно победить. Однажды, в один прекрасный день, я сокрушу Сидиуса, и его высокомерие станет его гибелью. Этот день наступил раньше, чем ожидалось, и застал нас обоих врасплох. Все началось как обычно: меня разбудила жестокая, неопишуемая боль от молний Силы, пронзивших мое тело. Шквал физической агонии сопровождался прекрасными звуками криков ярости моего хозяина. Затем меня били, заставляли медитировать на Темную сторону Силы и давали скудные кусочки вещества, которое ни в одной цивилизованной звездной системе не было бы принято за еду. Но даже когда все это происходило, я не мог избавиться от ощущения, что что-то изменилось. Я чувствовал это: это было в воздухе, едва уловимый сдвиг в Силе, беспокойство в моих костях. Оно въелось в мою кожу и не желало уходить; оно побуждало меня к действию, шептало, чтобы я действовал, делал что-то. И я сделал. Я использовал единственное оружие, которое у меня когда-либо было: свой рот. Обычно я тщательно отбирал оскорбления, чтобы не завести хозяина слишком далеко, но сегодня я не мог заставить себя беспокоиться. Я сказал бы то, что должен был сказать, и плевать на последствия. Изрыгая непрерывный поток непристойностей и неуважения к Сидиусу, я добился желаемого эффекта. Он набросился на меня, разрывая кожу и ударяя молниями Силы. Не стоит и говорить, что я поплатился за свое неповиновение: почетными знаками стали многочисленные ожоги и синяки на моей коже. Хотя мое тело кричало в агонии, а внутри клочкотала бессовестная ярость, я был оправдан в своих усилиях. То, что Сидиусу не удалось меня поймать, взбесило его до беспамятства, и в результате он сделал то, чего никогда не делал. Он нарушил привычный порядок вещей. Его ошибка была настолько неожиданной, настолько... простой, что я не сразу понял, что это не изощренная ловушка, которую он устроил, чтобы манипулировать мной. Через час после его ухода я взглянул на дверь своей клетки, и мне стало любопытно, почему она выглядит странно. Потребовалось лишь мгновение, чтобы подползти к двери клетки и осторожно открыть ее легким прикосновением к металлу. Мои глаза расширились от удивления, когда я понял, что это значит: Сидиус был настолько отвлечен и разгорячен своей неспособностью сломить меня, что забыл запереть клетку. Мой хозяин, честное слово, забыл запереть мою клетку. Я был ошеломлен, я грелся в великолепном всплеске слепой, подкрашенной ненавистью радости, которая пронеслась сквозь меня, когда я осознал это. Я не мог в это поверить. Я не думал, что время уничтожить Сидиуса придет так быстро, да еще и в такой подходящий момент. Кто бы

мог подумать, что такая простая ошибка, как поворот ключа, будет стоить Дарту Сидиусу, Темному лорду ситхов, жизни? Когда он вернулся через несколько часов, Темный Лорд немедленно и снисходительно направился к моей клетке, явно разгневанный и готовый снова меня пытать. Тогда я начал действовать. Сколько бы я ни жил, я никогда не забуду выражение лица Сидиуса, когда я вышел из клетки, высоко подняв голову, с хищным оскалом на лице. Его глаза расширились, а рот приоткрылся, когда я подошел к нему. Он боялся! Он боялся... меня! Чувство страха перед моим мучителем было потрясающим... неопишмым.

Умопомрачительная эйфория пронзила мое существо, когда я понял, что мое время пришло. Действительно, пришло! Несмотря на мою эйфорию, убить Сидиуса оказалось не так просто, как ожидалось. Сражаясь с ним, я по-настоящему оценил его способности, и если бы я не был так уверен в своей победе, это могло бы меня испугать. Он был силен, безмерно силен, и этот ублюдок сражался со мной, используя все свои силы. Но хотя техника боя Сидиуса была совершенна, а его навыки безупречны, я был сильнее. Его гнев и ненависть никак не могли сравниться с моими: его гнев был потоком, мой — цунами. Все, что требовалось, — это воспоминания об издевательствах, о беспомощности, о безутешной ярости, и мой гнев поднялся, как ревущий гундарк. Подпитываясь яростью и ненавистью, я направил все свои негативные эмоции на Темную сторону, и она тут же откликнулась на мой зов. Собрав Темную сторону Силы, я вырвал световой меч Сидиуса из его руки, а затем рывком и красной вспышкой обезглавил высокомерного лорда ситхов, остановившись лишь для того, чтобы посмотреть, как голова моего бывшего хозяина падает с его плеч. Это было впечатляюще, чудесно! Воистину самый великолепный момент за все мои годы! Голова Сидиуса с глухим стуком рухнула на пол. Я застыл, погруженный в сюрреалистический триумф. Время замерло, мир вокруг померк, оставив лишь пустоту и тишину. Сколько времени прошло, прежде чем я пришел в себя, не знаю, но когда движение вернулось в мои конечности, словно сбросил с себя тысячу пут. Свобода! Впервые в жизни я ощутил ее истинную суть. Поздний вечер застал меня за длинным столом в столовой, потягивающим игристую жидкость из бокала. Кореллианский бренди, дешевый, простой, но такой восхитительный в своей непритязательности. Обычно жжение от него было бы неприятным, но сейчас оно казалось сладким, как награда за долгие годы борьбы. Я крутил бокал, наблюдая, как пузырьки, подобно призракам, поднимаются к поверхности янтарной жидкости. — Наверное, это лучшее, что я когда-либо пробовал, — пробормотал я, поднося бокал к носу. — И пахнет приятно. Взгляд зацепился за стакан, задерживаясь на мгновение, прежде чем я сделал очередной глоток. Он пробудил давно забытые воспоминания о Татуине, о том, как я, сидя на песке, терялся в мыслях, мечтая о свободе. Это было моим любимым занятием, и, похоже, тяга к ней по-прежнему жила во мне. Вздых удовольствия вырвался из моих губ, когда я сделал еще один глоток, а напиток усилил и без того эйфорический кайф. Наверное, не самая лучшая идея — напиваться в такой момент, но я праздновал, и себе можно было позволить небольшую слабость. Моя победа наступила несколько часов назад. Она была напряженной, поэтому неудивительно, что сейчас я чувствовал голод. И раз уж я покидал это место, было бы вежливо в последний раз поужинать с хозяином. Я улыбнулся, обнажая все зубы, и кивнул собеседнику. Там, напротив меня, за столом сидел труп Сидиуса. Я сам положил его туда, даже любовно пристроил оторванную голову на плечи, заставив тело сидеть вертикально, обращенным ко мне. Казалось, Сидиус все еще жив... ну, если не считать его мертвого вида.